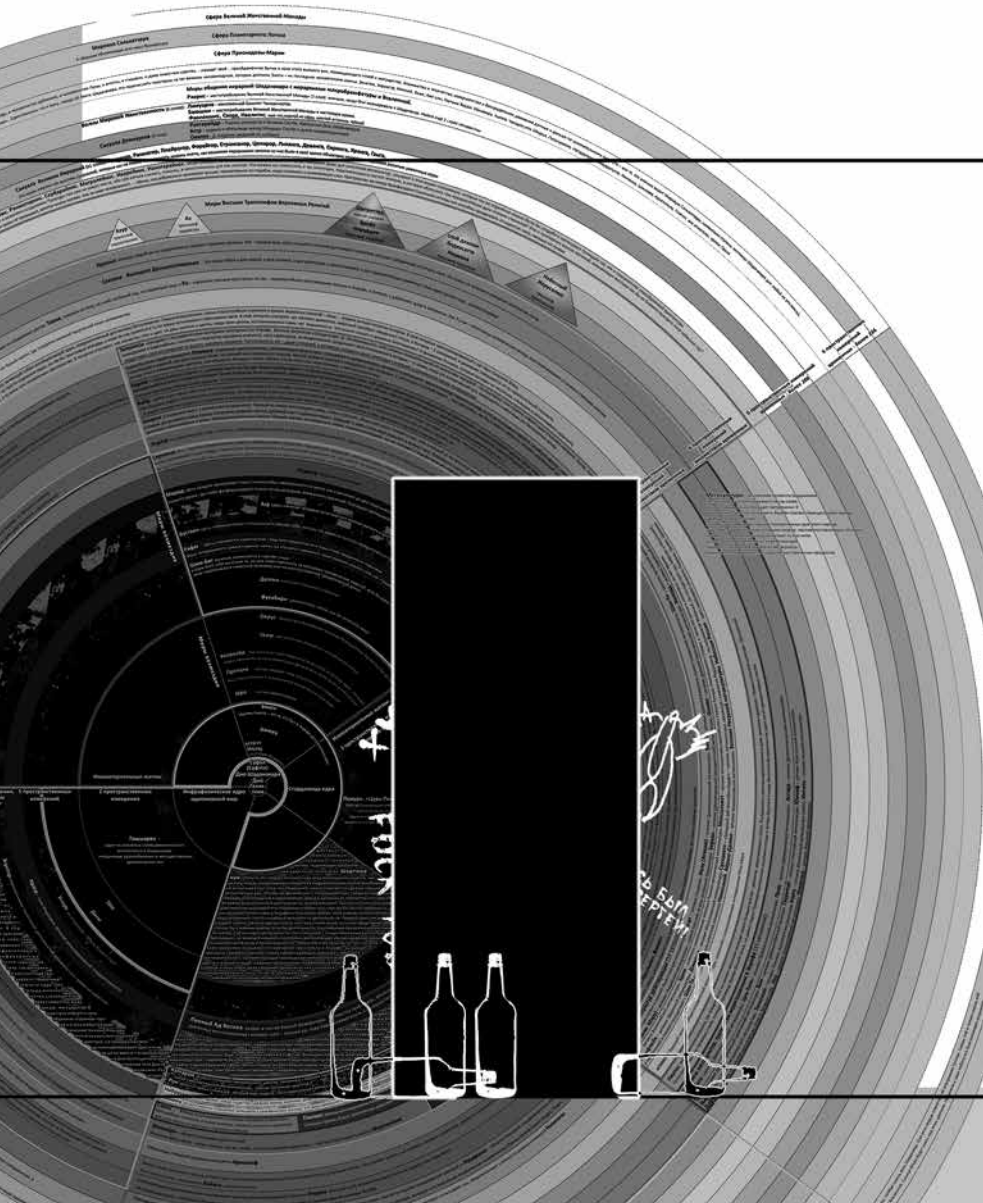
ЧУЛАН



«В чулане сидит человек и молчит. Я его спрашиваю: „Ты кто?“ — а он молчит. Я его спрашиваю: „Ты зачем в чулан залез?“ — а он всё молчит».

Даниил Хармс

«Когда мы проходили по коридору, мимо темного чулана под лестницей, я взглянул на него и подумал: „Что бы это было за счастие, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! и чтобы никто не знал, что мы там живем“».

Лев Толстой «Детство»

Анамнез

В его воспоминаниях всегда был коридор, а потом кладовка. Туда шла дверь из коридора. Он всегда шел по коридору и открывал эту дверь. За дверью было темно и пахло: варили там что-то, что ли? В общем, он открывал дверь и заглядывал в эту комнатушку,

а дальше воспоминания прекращались, тело билось в конвульсиях — и медсестры звали врачей.

Его нашла соседка, когда возвращалась из магазина: он лежал у мусоропровода. Он был без сознания. Она сначала думала — пьяный, потом — что бомж, потом решила не брать грех на душу и вызвала «скорую».

Его вернули к жизни, он оказался Сергеем Дымовым, документы нашли при нем. А потом нашлись и родственники.

Его вернули к жизни, но не в сознание, вернее, вернули в сознание, но, наверное, не в его. Хотя и родные, и знакомые всегда считали его чудным. Но одно дело быть чудным, а другое дело — быть другим.

Он никого из посетителей не узнал. Его перевели в психиатрическое отделение. А потом и в специальное заведение для таких, как он, потерявшихся.

Другой мир

Он рассказывал врачам про другой мир, но путь туда и оттуда — из кладовки той злополучной — он не мог объяснить и вспомнить. Они увеличивали и снижали дозы, меняли применяемые препараты, но изменений не происходило. Записали его рассказы на видео и разместили в соцсетях.

Попался один молодой неравнодушный доктор, читавший Даниила Андреева. Пошли отклики. Потом стали приезжать люди, в основном такие же чокнутые. От них пользы было мало.

И наконец явился человек из какого-то очень закрытого института и привез бумаги, гласящие, что Сергей Дымов по решению суда теперь полностью их. То есть передается в распоряжение института.

Среди бумаг было и согласие родственников. Они отчаялись. Прошло пять лет, а сдвигов не было. В общем, отдали близкого для опытов. Так бывает.

Психиатры гражданские развели руками и отступились от Дымова.

Завеса

Кому надо потом сообщили, что Дымов был коннектором, ну то есть он был как бы сотрудником некой структуры, созданной решением сами знаете кого для попыток взаимодействия с параллельными, последовательными или иными мирами. Кое-кто всерьез воспринял концепцию «Розы Мира» и стучался во все двери.

Идея состояла в том, что землянам самим не объединиться, и верящие в подобный путь люди искали пути найти внешнего управляющего, представляющего иные сильнейшие миры. Ну прям как концепция Рюрика, но в несколько расширенном масштабе. Так вот, Дымов якобы был тем человеком, который мог отыскать нужную дверь и столкнуться с небесными покровителями.

Кино

Дымова привезли в институт: огромное неприметное здание в лесу, вне населенных пунктов и дорог. Объект у оперативников назывался «Кострома». Сотрудники жили здесь же, в одном из бесконечных флигелей основного корпуса.

Сотрудники звали свой институт «Цветком», им не нравилось название «Кострома», хотя, скорее, не нравились оперативники.

В боксе, куда Дымова доставили, его подключили к системам не только жизнеобеспечения, но и извле-

чения. Система считывания нашла данные, которые всех интересовали. Включились экраны в ситуационной комнате.

Дымов пропал месяцы назад, и никто не знал, что с ним. Связи не было, и вот нашелся — обоссанный валялся в подъезде у мусорных баков. Все были крайне встревожены, несмотря на нежданную радость обретения своего коннектора.

Коридор, дверь, темнота. Потом голоса. Ничего не значащие звуки на самом деле. Сигналы мозга. Потом пошел перегруз. Пульс Дымова сначала взвился, а потом упал до ноля. В этот промежуток времени он, очевидно, принял какой-то невероятный по объему поток информации, просчитать эти объемы было невозможно из-за отсутствия сходных способов исчисления. Трудно сравнивать длинное и темное, согласитесь.

Шифровальщики

Так назывались люди, которые пытались сравнивать принципиально несравнимое. Лучше бы их было назвать кодировщиками, но это слово было уже занято теми, кто направлял сообщения во Вселенную на всех возможных языках или системах знаков.

Шифровальщики работали с «почтой» Дымова неделю, получив открытый доступ ко всем суперкомпьютерам института. Атомные реакторы вывели на полную мощность. Квантовые вычислительные машины с бесконечной быстротой крутили «кино». И ничего. Белое оставалось белым, а черное — черным.

Не было смысла в том, что происходило в кладовке. Вернее, он, конечно же, был, но недоступен для осмысления.

Дымов

— Надо как-то оживлять его, хотя бы ненадолго. У нас есть вопросы,— сказал директор, завершая очередное совещание по обсуждению «ничего».— Сможем?

Вопрос повис в воздухе.

— Делайте,— приказал директор.

Звонки

Директор много поставил на последнюю командировку Дымова. Когда он пропал, директор имел неприятный разговор с властителем Южных морей. Ему больше всех хотелось мира, и как можно скорей. Климатическая обстановка на его территориях не оставляла шансов на адекватное выживание, и другие части ноосферы не торопились разделять с ним издержки, превышающие стандартные. На последнем совете ему это четко дали понять. Он нуждался в реализации обещаний института как никто. Директор позвонил ему:

— Мы нашли, но пока не знаем, что.

— Когда будете знать?

— Надеюсь, в ближайшие часы.

— Поторопитесь.

— Делаем все, что в наших силах.

— Удачи.

Южные моря отключились.

Директор вызвал другого абонента.

— Да.

— Мы нашли его.

— И как?

— Пока никак.

— Нам нужна неделя такого «никак».

— Я вас понял.

— Точно?

— Да.
— Удачи.

Абонент отключился, это был, как нетрудно догадаться, президент содружества Северных гор.

Теперь третий. Соединение и «Алло».

— Мы нашли.
— И как?
— Пока никак.
— Каковы ставки?
— Пока поровну.
— Пусть так и будет.
— Это как?
— Пусть все получат всё.
— Так не получится.
— А вы постарайтесь.
— Все-таки Роза Мира рулит?
— Надеюсь.
— Понял.
— До свидания.

Разговор

Шифровальщики сидели и крутили одно и то же кино. Кусочек — три минуты.

— Налей еще.
— Может, хватит?
— Наливай.
— Душа болит?
— Да не знаю, что болит, но ты пойми: я же не могу им сказать, что мы на хрен никому не нужны.
— А что, они сами не знают?
— Может, у вас все сами и знают, а у нас народ верующий.
— Прям не поймут?
— Ни за что.
— Что тогда?
— А давай еще выпьем.

— Да не вопрос, у меня этого одеколона завались, я у склада одного коробку целую увел вчера.

— Отлично…

— О чем они говорят? — спросил один шифровальщик другого, когда они прослушали ролик в двадцатый раз.

— Не знаю.

— А почему такая темнота?

— Ничего не получается с картинкой, ты же сам пробовал

— Может, это в той кладовке, про которую он нам все время талдычил?

— А как он сейчас?

— Ну сам — никак. Держится на аппаратах. Он, похоже, выпил слишком много спирта или чего он там пил.

Дымов

Сознание вернулось неожидаемо. Он ясно все увидел. Кто он и где он. Похоже, он неправильно оценил результаты последнего перехода и общения. Ему надо вернуться и еще поговорить.

— Позовите директора,— сказал он, когда из горла вытащили трубку и он смог говорить.

Когда пришел директор, Дымов сказал:

— Мне надо вернуться.

— А что случилось?

— Я пытался себя убить, превратно истолковав результаты последних контактов.

— Почему?

— Я не мог вернуться с такими результатами.

— Какими?

— Никакими.

— Я правильно понял, что мы не в тупике, а в процессе?

— Да.

— Спасибо,— директор облегченно вздохнул.

Дымов только что решил все его проблемы, и хрупкое равновесие спасено. Баланс между всеми не нарушен.

— Я рад, что все так, как вы хотели.

Директор

К директору вернулся кураж и перспектива. Он вызвал кодировщиков и приказал им усилить посевы исходящей информации. Потом шифровальщиков. С ними разговор вышел тяжелый.

— Надо забыть про тот непонятный разговор,— сказал он им.

— Почему непонятный? Мы все расшифровали.

— И что?

— Он сидит с каким-то бомжом в какой-то кладовке, они пьют, и он говорит ему про свой контакт, что его послали и что он не может с этим вернуться. Не может приносить дурные вести. Милый, ранимый такой. Что непонятно?

— Ок. Это приказ. Вернуть в первозданный вид и таким включить в отчет. Необъясненное, мол, такое событие имело место. Понятно?

— Нет.

— Выполняйте.

Психиатр

Дымов все рассказывал этому прекрасному седому человеку. И спрашивал обо всем. Они вместе разработали эту прекрасную комбинацию, что честнее не умирать от алкогольной интоксикации, уводя правду в могилу и оставляя человечество в тисках неведения, а вернуть ему надежду. И теперь он

вместе со своим наставником разрабатывал планы дальнейшего развития событий.

Все-таки использование кладовки надо продолжать, решили они. Теперь предстояло защитить все это на Верховном совете. Они справятся. У них просто нет выбора. Но есть чулан.